

В.А. Воропаев

НЕТ ДРУГОЙ ДВЕРИ...

*О Гоголе
и не только*

Н. Воропаев

Владимир Воропаев

Нет другой двери...
О Гоголе и не только

ТД "Белый город"

2019

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Воропаев В. А.

Нет другой двери... О Гоголе и не только / В. А. Воропаев — ТД
"Белый город", 2019

ISBN 978-5-00119-055-4

В книгу В.А. Воропаева, известного российского гоголеведа, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, вошли статьи и очерки, написанные в течение последних пятнадцати лет и для данного издания дополненные и переработанные. По-новому осмыслены хрестоматийные произведения Гоголя («Ревизор», «Мертвые души»), его духовная проза («Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии»), а также практически неизвестные современному читателю сочинения, как, например, стихотворная молитва ко Пресвятой Богородице, найденная после кончины писателя и ставшая едва ли не самым известным его произведением в славянских (и не только) странах. В книге подробно, с привлечением новых, в том числе архивных материалов, освещены наиболее дискуссионные аспекты биографии Гоголя (путешествие в Иерусалим, посещения Оптиной Пустыни, отношения с оптинскими старцами, протоиереем Матфеем Константиновским, судьба второго тома «Мертвых душ», обстоятельства и причины смерти Гоголя. Жизнь и творчество писателя рассматриваются сквозь призму его религиозного мирозерцания. Богатый новый фактический материал, несомненно, будет полезен специалистам-гоголеведам, а простой и увлекательный язык делает книгу интересной и доступной для широкого круга читателей.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-00119-055-4

© Воропаев В. А., 2019
© ТД "Белый город", 2019

Содержание

Нет другой двери...	7
Гоголь и Евангелие	7
«Дело, взятое из души...»	13
О Гоголе и его главной книге	13
История замысла	15
История издания	20
Особенности поэтики	24
Повесть о капитане Копейкине	28
Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Алексеевич Воропаев
Нет другой двери...: О Гоголе и не только

© Воропаев В.А., 2019

© ООО ТД «Белый город», 2019

Нет другой двери...

Гоголь и Евангелие

По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках. Он говорил: «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие». Ольга Васильевна Гоголь-Головня, сестра писателя, вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил».

Ежедневное чтение Евангелия – неременная обязанность христианина, как и домашние молитвы. У Гоголя оно сделалось потребностью с юных лет. В Нежине протоиерей Павел Волинский на уроках Закона Божия читал с гимназистами толкования святителя Иоанна Златоуста на святых евангелистов Матфея и Иоанна. Речь шла, конечно, не о простом чтении, – недостаточно Евангелие читать, как любую иную книгу, – оно есть тот высший закон, по которому христианин должен строить свою жизнь. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, – учит святитель Игнатий (Брянчанинов), – старайся исполнять его заповедания, читай его делами. Это книга жизни, и надо читать ее жизнью» (О чтении Евангелия)¹.

Именно Евангелием проверял Гоголь все свои душевные движения. В бумагах его сохранилась запись на отдельном листе: «Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером, мы глубоко оскорбились бы, потому что каждый гнушается этим низким пороком; однако читая в первых стихах 7-й главы Евангелия от Матфея, не укоряет ли совесть каждого из нас, что мы именно тот лицемер, к которому взывает Спаситель: *Лицемере, изми первое бервнo из очесе твоего*. Какая стремительность к осуждению...»

Евангельская любовь, считал Гоголь, должна лежать в основании отношений между людьми. «Истинно христианская помощь не в одном денежном подаянии, – поучал он младшую сестру Ольгу в письме от 20 января (н. ст.) 1847 года, – это еще небольшая помощь. Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее. Обратить преступного и грешника ко Господу – вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику. А для этого подвиги тебе предстоят на всяком шагу, обратись только вокруг себя. Много в вашем соседстве пребывает людей во пьянстве, буйстве, разврате всякого рода и пороках. Губят невозвратно свою душу – и нет человека, который подвигнулся бы жалостью к ним, и нет человека, который бы так пожалел о душах их, как бы о собственной душе своей, и возгорелся бы хотя частицею той любви, которую горит к нам Божественный Спаситель наш. Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. Надобно сказать лучше, что нет прямой любви к человеку, оттого и слова бессильны: слово без любви только ожесточает, а не мирит или исцеляет».

Несомненно, что и сам Гоголь и в своем творчестве, и в жизни руководствовался этой Евангельской любовью к человеку. «Надобно любовью согреть сердца, – говорил он, – творить без любви нельзя». В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не

¹ Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [В 8 т.]. Т. 1. М., 2001. С. 99.

высказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние...» О глубокой искренности этих слов свидетельствует и составленная Гоголем молитва, которая содержится в его записной книжке: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновеньем».

Эмилия Ковриго, сирота, воспитанница матери Гоголя, рассказывала, что в ее отроческие годы Николай Васильевич учил ее грамоте, и когда выучил, то первой книгой, которую она с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, – вспоминала она, – так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей».

По словам Ивана Михайловича Андреева (настоящая фамилия Андреевский), профессора Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле (США), «огромный дар словесного художественного творчества был ниспослан Гоголю свыше, с одной стороны, как евангельский талант, требующий умножения и роста, а с другой – как исключительное богатство, препятствующее достижению Царства Небесного»². Гоголь стремился распорядиться своим богатством, то есть талантом, по-евангельски. «Способность создания есть способность великая, – писал он своей приятельнице Александре Осиповне Смирновой в начале 1847 года, – если только она оживотворена благословеньем высшим Богом. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело».

Только в контексте всей жизни Гоголя и в свете Евангельских истин может быть понята и проблема второго тома «Мертвых душ». Гоголь, как и положено писателю, испытывал сомнения, отчасти проверяя впечатление от вновь написанных вещей на слушателях. Однако самым требовательным судьей был он для себя сам. И судил Гоголь свои произведения именно в свете Евангелия. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно, – говорил он в 1850 году. – Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель».

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения второго тома в 1845 году: «...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого». Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

Писатель в некоторых случаях имеет несчастье приносить вред и после смерти. Автор умирает, а произведение остается и продолжает губить души человеческие. Это прекрасно понимал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню Крылова «Сочинитель и Разбойник». Мораль этой басни угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...»

В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» Здесь слышится отзвук слов Спасителя: *Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе*

² Андреев И.М. Н. В. Гоголь // Андреев И.М. Русские писатели XIX века. Очерки по истории русской литературы XIX века. М., 2009. С. 223. Впервые: Андреев И.М. Религиозное лицо Гоголя // Андреев И.М. Очерки по истории русской литературы XIX века (Краткое конспективное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии). Сборник 1. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1968.

тому человеку, чрез которого соблазн приходит (Мф. 18, 7). Святитель Филарет, митрополит Московский, толкуя это евангельское изречение, пишет: «Воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более. Грех мой, при помощи благодати Твоя, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить»³.

Другой современник Гоголя, святитель Феофан Затворник говорит о том же: «Соблазн растет и увеличивает беду самого соблазнителя, а он того не чует и еще больше расширяется в соблазнах. Благо, что угроза Божия за соблазн здесь, на земле, почти не исполняется в чаянии исправления; это отложено до будущего суда и воздаяния; тогда только почувствуют соблазнители, сколь великое зло соблазн»⁴.

Без сомнения, боялся писать на соблазн ко греху и Гоголь. В последнее десятилетие своей жизни он мало ценил прежние свои сочинения, пересматривая их глазами христианина. В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Эти слова вызвали немало нареканий и побудили многих думать, что Гоголь отрекается от своих прежних произведений. Между тем совершенно очевидно, что о бесполезности своих сочинений он говорит в смысле религиозном, духовном, ибо, как пишет далее Гоголь, в письмах его, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, чем в его сочинениях.

Следует также иметь в виду, что свою книгу Гоголь адресовал в первую очередь людям неверующим, тем, кто не ходит в церковь. «Мне кажется, – писал он отцу Матфею Константиновскому в мае 1847 года, – что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие». Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете Евангельского слова.

«Обращаться с словом нужно честно, – говорил Гоголь. – Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю <...> когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло».

Талант, данный ему Богом, Гоголь хотел направить для прославления Бога и на пользу людям. И чтобы достичь этого, он должен был очистить себя молитвой и истинно христианской жизнью. Преображение русского человека, о котором мечтал Гоголь, совершалось в нем самом. Жизнь своей он продолжил свои писания.

Зародыши тех страстей, которые довели его героев до их ничтожества и пошлости, Гоголь находил в себе. Отвечая на вопрос одного из своих друзей, отчего герои «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, Гоголь говорит: «... герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения – история моей собственной души». И далее замечает: «Не думай, однако же <...> чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог».

³ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1885. Т. 4. С. 130.

⁴ *Епископ Феофан*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М., 1991 / Репринтное издание. С. 171.

«В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальной вглядишься, – продолжает Гоголь. – Тебе объяснится также и то, почему не выставял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды».

В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия (Брянчанинова). В статье «Христианский пастырь и христианин художник» он высказывает глубокую мысль: «Большая часть талантов стремились изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут. <...> Когда усвоится таланту евангельский характер, – а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, – тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято»⁵.

В своей жизни (особенно в последнее десятилетие) Гоголь исполнял по сути евангельский – монашеский – принцип нестяжания. «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет, – говорил он. – Но кого Бог удостоил отведать его сладость и кто уже возлюбил свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира». Сестру Елизавету Васильевну, выходящую замуж, Гоголь наставляет: «Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат» (из письма от 14 июля 1851 года). Мария Ивановна Гоголь писала историку Михаилу Погодину спустя три месяца после кончины единственного сына: «...у него ничего не было в большом количестве, он говорил: блажен, кто все состояние свое имеет при себе – не боится ни огня, ни воров...»

О духовном устроении Гоголя середины 1840-х годов свидетельствует та часть его завещания, которая относится до семейных дел. В письме к матери и сестрам от 14 ноября (н. ст.) 1846 года из Рима он делает следующее распоряжение: «Завещаю доходы от изданий сочинений моих, какие ни выйдут по смерти моей, в собственность моей матери и сестрам моим на условии делиться с бедными пополам. Как бы ни нуждались они сами, но да помнят вечно, что есть на свете такие, которые нуждаются еще более их».

По рассказам нежинских соучеников, Гоголь еще в школьные годы никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, и если нечего было дать, то всегда говорил: «Извините». Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки. На ее слова: «Подайте Христа ради», он ответил: «Сочтите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой».

В том же письме к матери и сестрам 1846 года Гоголь указывает, что по кончине его «никто из них уже не имеет права принадлежать себе, но всем тоскующим, страждущим и претерпевающим какое-нибудь жизненное горе. Чтобы дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обиталище помещика; чтобы всякий, кто ни приезжал, был ими принят, как родной и сердцу близкий человек...».

В странноприимстве Гоголь следовал завету святого апостола Павла: *Страннолюбия не забывают: тем бо не ведающе нецыи странноприяши Ангелы (Страннолюбия не забывают: ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам; Евр. 13, 2)*. На полях принадлежавшей ему славянской Библии 1820 года издания, хранящейся ныне в Рукописном

⁵ Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. М., 2002. С. 505–506.

отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, Гоголь против этого стиха написал: «Наставленья, как быть со всеми».

Аще небудите мали ато грехи
не увидите въ Царстві небесномъ

Пожилуи мене грѣшника
Прости Господи! Свяжи
вновь Сатану таинственною
силою неистовьдимаго Кресла

Какъ поступить чтобы
приукатывно, благодарно и
важно написать и сердце моему
поцуренный урокъ? А стлашма
Исторія Великаго события Евангелія

А. Гоголь

Предсмертные записи Гоголя. Автограф

Умирал Гоголь с четками в руках. Это указывает на то, что он внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). В своей Библии Гоголь на полях отметил этот и предшествующий стих («всегда радуйтесь и непрестанно молитесь»). По учению святых отцов, Иисусова молитва есть Евангелие, сокращенное до восьми слов.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращение к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, предсмертные записи.

Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою.

Аще не будете малы, яко дети, не увидите в Царствие Небесное⁶.

Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста!

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник⁷.

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви (в родной Васильевке. – В. В.), то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

О значении Гоголя для истории русской литературы говорилось немало. Может быть, точнее других сказал об этом протоиерей Павел Светлов, профессор богословия Киевского университета Св. Владимира: «Мысль Гоголя о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия, так настойчиво высказанная им в нашей литературе в первый раз, явилась тем добрым семенем, которое выросло в пышный плод позднейшей русской литературы в ее лучшем и доминирующем этическом направлении. Призыв обществу к обновлению началами христианства, хранимого в Православной Церкви, был и остается великою заслугою Гоголя перед отечеством и делом великого мужества для его времени, чаявшего спасения в принципах европейской культуры»⁸.

⁶ Ср. Мф. 18, 3

⁷ Ср. Ин. 10, 1.

⁸ Светлов П.Я., проф., протоиерей. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания (Богословско-апологетическое исследование). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1905. С. 232.

«Дело, взятое из души...»

О Гоголе и его главной книге

Для нас он был больше, чем просто писатель: он раскрыл нам нас самих.

Из письма И.С. Тургенева к Полине Виардо. 1852

В мае 1842 года в книжных лавках Москвы и Санкт-Петербурга появилась новинка – книга с затейливым рисунком на обложке, где разными шрифтами было написано: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя». На желтоватом фоне чередовались разнородные, иногда просто загадочные изображения: домики с колодезным журавлем, бутылки с рюмками, танцующие фигурки, греческие и египетские маски, лиры, сапоги, бочки, лапти, поднос с рыбой, множество черепов в изящных завитках, – а венчала всю эту причудливую картину стремительно несущаяся тройка. В названии бросалось в глаза слово «ПОЭМА», крупными белыми буквами на черном фоне. Рисунок, выполненный самим автором, очевидно, был важен для него, так как повторился и во втором прижизненном издании книги 1846 года.

Символика обложки сложна и имеет множество значений, но даже при первом взгляде на нее очевидна основная мысль автора: поэма должна явить собой многообразие русской жизни, схваченное в как бы случайных, но на самом деле характерных деталях.

Обложка первого издания «Мертвых душ», выполненная по рисунку Гоголя

История замысла

«Мертвые души» и были задуманы как эпическое произведение в трех томах, обнимающее собой «всю Русь» и «все человечество в массе». Поэма осталась незавершенной: вышел в свет только первый том, и после смерти Гоголя были найдены черновые наброски отдельных глав второго. Это в значительной мере затрудняет постижение сокровенного, символического смысла произведения. «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”, – писал Гоголь Александре Осиповне Смирновой 25 июля (н. ст.) 1845 года из Карлсбада. – Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах <...> Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора».

Свою тайну Гоголь не унес с собой в могилу. В силу законов художественного творчества автор не в состоянии утаить своего «душевного дела». Ибо, как говорил сам Гоголь, «поэзия есть чистая исповедь души». Ключ к тайне «Мертвых душ» – в самой поэме.

Именно поэтому творческая история произведения приобретает особенную значительность. Это не просто история создания гениального творения, но и судьба самого Гоголя, трагедия его жизни и смерти. По словам Павла Васильевича Анненкова, «Мертвые души» явились для Гоголя «той подвижнической кельей, в которой он бился и страдал до тех пор, пока вынесли его бездыханным из нее».

Пушкин у Гоголя. Художник М.П. Клодт. Гравюра Ю. Барановского. 1887 г.

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь подробно рассказал о том, как возник замысел поэмы. А.С. Пушкин заметил ему однажды: «Как с этой способностью угадывать человека и

несколькими чертами выставляя его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» – и привел в пример Сервантеса, который «хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за “Донкишота”, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями». В заключение Пушкин рассказал Гоголю одно происшествие – это и был сюжет «Мертвых душ».

В то же время анекдотический случай, положенный в основу произведения, носил жизненный характер. Факты скупки «мертвых душ» были достаточно распространены в тогдашней России и могли быть известны Гоголю и ранее. Об одном из них рассказывает, например, дальняя родственница писателя Мария Григорьевна Анисимо-Яновская. Но как бы там ни было, Гоголь принялся за большое сочинение по совету Пушкина. Знаменательна и ссылка последнего на Сервантеса, приобретшего мировую известность после написания «Дон Кихота». Отныне судьба и слава Гоголя будут неразрывно связаны с «Мертвыми душами».

Переписка Гоголя, его автобиографические заметки и свидетельства современников дают возможность восстановить ход работы над поэмой с достаточной полнотой. По словам Гоголя, он принялся за нее, не имея поначалу определенного плана, не давши себе отчета, что такое должен быть сам герой. «Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными».

Набросав первые главы, Гоголь прочел их Пушкину, и поэт, который всегда смеялся при его чтении, становился все сумрачнее и сумрачнее и наконец сделался мрачен. По окончании чтения он произнес с тоской: «Боже, как грустна наша Россия!» В этой связи Гоголь заметил для себя: «Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда...»

Озадаченный тягостным впечатлением, которое произвело начало поэмы на Пушкина, Гоголь принялся за его переработку. 12 ноября (н. ст.) 1836 года он писал Василию Андреевичу Жуковскому из Парижа: «Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. <...> Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, которая вынесет мое имя». Из письма видно, как по мере обдумывания плана разрастается замысел, Гоголь проникается ощущением значительности своего сочинения: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его».

Василий Андреевич Жуковский. Гравюра Т. Райта. 1835 г.

К концу 1840 года первый том вчерне был окончен и Гоголь приступил к работе над вторым. 28 декабря (н. ст.) он сообщал Сергею Тимофеевичу Аксакову из Рима: «Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том “Мертвых душ”. <...> Между тем, дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навесть незначачий сюжет...»

Михаил Петрович Погодин

Литография А.Э. Мюнстера с фотографии К.А. Бергнера. 1860-е гг.

П. В. Анненков, живший летом 1841 года в Риме с Гоголем и переписывавший главы первого тома под диктовку автора, утверждает со всей определенностью, что именно в эту пору Гоголем был «предпринят» второй том. Очевидно, работа продвигалась настолько быстро, что появились слухи об окончании поэмы. Историк и журналист Михаил Петрович Погодин даже уверял читателей «Москвитянина», что два тома уже написаны, третий пишется и все сочинение выйдет в продолжение года.

Однако в письмах начала 1840-х годов Гоголь все чаще дает понять, что второй том окончен скоро не будет и что на это есть веские причины. В октябре 1841 года писатель возвращается в Россию для напечатания первого тома «Мертвых душ». После выхода его в свет в мае 1842 года он снова уезжает за границу и пробудет там вплоть до 1848 года.

Петр Александрович Плетнев Литография П.Ф. Бореля. 1870 г.

История издания

История прохождения книги в цензуре – один из драматических эпизодов биографии Гоголя. «Никогда, может быть, не употребил он в дело такого количества житейской опытности, сердцеведения, заискивающей ласки и притворного гнева, как в 1842 году, когда приступил к печатанию “Мертвых душ”, – свидетельствовал П. В. Анненков и, не касаясь фактической стороны дела, не без остроумия замечал: – Тот, кто не имеет “Мертвых душ” для напечатания, может, разумеется, вести себя непогрешительнее Гоголя и быть гораздо проще в своих поступках и выражении своих чувств».

7 января 1842 года Гоголь сообщал Петру Александровичу Плетневу о судьбе поэмы в московской цензуре: «Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев через два дня объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной, и в отношении к цели и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что кроме одного незначительного места: перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил) – нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо обвинения все без исключения были комедия в высшей степени». И далее Гоголь в ироническом тоне описывает эти обвинения.

Не случайно именно Ивану Михайловичу Снегиреву отдает Гоголь рукопись «Мертвых душ». Влиятельный цензор, бывший профессор Московского университета, Снегирев снискал известность своими трудами по фольклору и этнографии. Биографы и исследователи творчества Гоголя редко упоминают это имя, между тем сочинения Снегирева оказали определенное влияние на писателя. Есть основания полагать, что исследование «Русские в своих пословицах», изданное Снегиревым в 1831–1834 годах, послужило Гоголю одним из книжных источников первого тома «Мертвых душ»⁹.

Из дневника Снегирева известно, что рукопись Гоголь привез ему 7 декабря 1841 года. Целью этого визита было выяснить, может ли поэма быть пропущена московской цензурой или ее следует отправить в Петербург, где у писателя были влиятельные друзья. Через два дня многоопытный цензор дал свой в высшей степени благоприятный отзыв. Гоголь, возможно, ожидал, что Снегирев самолично пропустит рукопись и «тот же час согласился» на все незначительные перемены. Мнение цензора, правда, должно было утверждаться цензурным комитетом, но в практике Снегирева были случаи, когда он сам подписывал рукописи к печати.

Все отношения Гоголя со Снегиревым до сих пор носили неофициальный характер, и рукопись поэмы цензор прочел как частное лицо. По существующим правилам Снегирев не имел права цензурировать «Мертвые души» без соответствующего постановления цензурного комитета. Он мог только высказать личное мнение о книге («Это же самое он объявил и другим»). К тому же Снегирев, видимо, не захотел брать на себя ответственность в таком непростом деле и решил действовать согласно правилам цензурного устава.

Из слов Гоголя следует, что рукопись была представлена в комитет Снегиревым. Однако в книге рукописей Московского цензурного комитета (хранящейся ныне в Центральном историческом архиве г. Москвы) записано, что «Мертвые души» поступили в комитет «от Пого-

⁹ См.: Воропаев В.А. «Мертвые души» и традиции народной культуры (Н.В. Гоголь и И.М. Снегирев) // Русская литература. Л., 1981. № 2. С. 92–107.

дина». По-видимому, Снегиреву неудобно было самому представлять рукопись в цензурный комитет, и это сделал М. П. Погодин, в доме которого жил тогда Гоголь. Кстати сказать, после выхода книги из печати гоголевская рукопись хранилась у Погодина в его знаменитом древле-хранилище.

Согласно записи в книге рукописей «Мертвые души» поступили в комитет 12 декабря 1841 года и в тот же день были переданы на рассмотрение цензору И. М. Снегиреву. Мнения цензоров, пересказанные в гоголевском письме, не были занесены в протокол заседания. Не было вынесено комитетом и постановления о запрещении книги. По всей видимости, на заседании комитета ее членами (не читавшими рукописи) были высказаны неблагоприятные суждения о поэме, так что Снегиреву пришлось защищать ее, о чем Гоголь сообщал в том же письме к П. А. Плетневу: «Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет <...> что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло».

Узнав, по всей видимости, от самого Снегирева о толках цензоров, Гоголь поспешно забрал рукопись и через В. Г. Белинского отправил ее в Петербург. Вместе с рукописью, которую Белинский должен был передать князю Владимиру Федоровичу Одоевскому, Гоголь вручил письмо к нему, в котором сообщал о запрещении «Мертвых душ»: «Рукопись моя запрещена. Прodelка и причина запрещения все смех и комедия. <...> Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись Государю». Одновременно Гоголь отправил письма к А. О. Смирновой и к Императору Николаю I (письма не сохранились).

Слух о «запрещении» рукописи в Москве быстро распространялся и приобретал, по-видимому, уже нежелательный для Гоголя оборот. В дело вмешалось было высшее начальство. В письме к князю В. Ф. Одоевскому от конца января 1842 года Гоголь уже хлопочет за «своего цензора» («мой цензор» – так называет он Снегирева в письме к Плетневу). «Гр<аф> Строганов (попечитель Московского учебного округа. – В. В.) теперь велел сказать мне, что он рукопись пропустит, что запрещение и пакость случились без его ведома, и мне досадно, что я не дождался этого неожиданного для меня оборота, мне не хочется также, чтобы цензору был выговор. Ради Бога, обделайте так, чтобы всем было хорошо...»

В петербургской цензуре главное затруднение возникло с «Повестью о капитане Копейкине». В письме от 1 апреля 1842 года цензор Александр Васильевич Никитенко извещал Гоголя: «Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина – ничья власть не могла защитить от его гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать».

Запрещение «Повести...» Гоголь воспринял как непоправимый удар. «Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они (цензоры. – В. В.). Я решился не отдавать его никак», – сообщал он 9 апреля 1842 года Николаю Яковлевичу Прокоповичу. «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! – писал Гоголь на следующий день П. А. Плетневу. – Это одно из лучших мест в поэме, и без него – прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет, характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует».

Вместе с письмом к Плетневу Гоголь послал новую редакцию «Повести...» для передачи ее цензору Никитенко. А ему самому в тот же день писал, имея в виду историю капитана Копейкина: «...вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришло на мысль: может быть, цензура устрашилась генералитета. Я переделал Копейкина, я выбросил все, даже мини-

стра, даже слово “превосходительство”. В Петербурге за отсутствием всех остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток сострадания в других. Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо. Словом, все теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении».

Сергей Тимофеевич Аксаков Неизвестный художник. 1835 г. Бумага, акварель

Но вот все благополучно закончилось. Успешно пройдя петербургскую цензуру, которая внесла ряд малосущественных поправок в текст поэмы и изменила ее название, гоголевская рукопись вернулась в Москву для напечатания. Билет на выпуск в свет поэмы Н. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» был выдан цензором Снегиревым.

В черновом варианте письма к Сергею Тимофеевичу Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 года из Гастейна Гоголь сообщал о первом благоприятном испытании поэмы, которое «произ-

ведено было над цензором», то есть Снегиревым. Вероятно, Гоголь заранее рассчитывал на благоприятный отзыв Снегирева, хорошо знакомого с тем фольклорно-этнографическим материалом, на котором строилась поэма. Действительно, что могло «возмутить» в «Мертвых душах» цензора-этнографа, увидевшего в них лишь «ряд характеров, внутренний быт России», «собрание картин самых невозмутительных». Эту сторону гоголевской книги Снегирев был способен понять лучше и глубже, нежели кто-либо из его современников.

Особенности поэтики

Вокруг первого тома поэмы сразу же разгорелись жаркие споры. «Между восторгом и ожесточенной ненавистью к “Мертвым душам” середины решительно нет...», – писал Н. Я. Прокопович Гоголю из Санкт-Петербурга 21 октября 1842 года. Одни обвиняли автора в клевете на Россию, другие, напротив, увидели в поэме апофеоз Руси. Суждения порой доходили до крайности. Так, известный дуэлянт и карточный игрок – граф Федор Иванович Толстой (по прозвищу Американец) при многолюдном собрании говорил, что Гоголь «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь».

На выход «Мертвых душ» не замедлили откликнуться и журналы. Наиболее подробные и интересные разборы дали П. А. Плетнев в «Современнике» и С. П. Шевырев в «Москвитянике» – как раз те критики, которые ближе других стояли к Гоголю, и более чем кто-либо были посвящены в его замыслы. Так, Плетнев писал, что «на книгу Гоголя нельзя иначе смотреть, как только на вступление к великой идее о жизни человека, увлекаемого страстями жалкими, но неотступно действующими в мелком кругу общества». Замечание Шевырева о «неполноте комического взгляда, берущего только вполобхвата предмет», особенно понравилось Гоголю.

В том же 1842 году в Москве вышла брошюра Константина Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мертвые души”», в которой он сравнивал Гоголя с Гомером, находя у них общий взгляд на мир – «всеобъемлющее эпическое созерцание». По мысли критика, поэма Гоголя возрождала в русской литературе традиции гомеровского эпоса. «...Уж не тайна ли русской жизни лежит, заключенная в ней, не выговорится ли она здесь художественно?» – вопрошал Аксаков, разумея всю поэму в целом¹⁰.

Брошюра вызвала резкий отклик В. Г. Белинского, оспорившего многие положения К. С. Аксакова и предложившего свое понимание значения Гоголя для современной литературы. Сравнение с Гомером казалось критику неприемлемым: «В смысле поэмы “Мертвые души” диаметрально противоположны “Илиаде”. В “Илиаде” жизнь возведена на апофеозу: в “Мертвых душах” она разлагается и отрицается...»¹¹ Аксаков ответил статьей, разгорелась полемика. Отголоски ее слышны и в спорах современных литературоведов.

Белинский неоднократно обещал написать большую статью о Гоголе и дать подробный разбор его книги, но так и не сделал этого. Возможно, он как никто другой понимал сложность художественного мира гоголевской поэмы. «Как всякое глубокое создание, “Мертвые души” не раскрываются вполне с первого чтения даже для людей мыслящих, – писал критик, – читая их во второй раз, точно читаешь новое, никогда не виданное произведение».

Однако именно Белинскому принадлежит определение поэмы как «творения чисто русского, национального, выхваченного из тайника народной жизни <...> дышащего страстную, нервистую, кровною любовью к плодовитому зерну русской жизни», а самого автора как «русского национального поэта во всем пространстве этого слова». Одним из первых критик подчеркнул и важнейшую особенность творчества Гоголя – его исключительную оригинальность и самобытность.

«У Гоголя не было предшественников в русской литературе, – утверждал Белинский, – не было (и не могло быть) образцов в иностранных литературах. О роде его поэзии, до появления ее, не было и намеков». Впоследствии историками литературы было накоплено немало наблюдений о связи Гоголя с различными литературно-художественными явлениями и авторами – от Гомера и Библии до Вальтера Скотта и малороссийской повести начала XIX века.

¹⁰ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 79.

¹¹ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М., 1979. С. 58.

И все же вывод Белинского, думается, в значительной мере верен и сейчас. Еще первый биограф Гоголя Пантелеимон Кулиш указывал на важнейший источник необычайной оригинальности его творений – народную стихию, их питающую. В наше время философ, теоретик литературы и культуры Михаил Михайлович Бахтин объяснял «феномен Гоголя» органической связью его поэтики с традициями народной культуры. По мысли ученого, творчество такого «гениального выразителя народного сознания», как Гоголь, можно действительно понять только в потоке народной культуры, выработавшей свою особую точку зрения на мир и особые формы его образного отражения¹². В этой идее Бахтина, которая пока еще не получила должного развития, и заключается, как представляется, разгадка своеобразия творческой манеры Гоголя и, в частности, особенностей поэтики его главного творения – поэмы «Мертвые души». В связи с этим нам необходимо вернуться к замыслу произведения в целом, к его, так сказать, «сверхзадаче» в понимании автора.

С самого начала Гоголь мыслил свое сочинение в общерусском, общенациональном масштабе. «Начал писать Мертвых душ, – сообщал он Пушкину 7 октября 1835 года. – <...> Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Много позднее, в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 года из Неаполя, Гоголь пояснял замысел своего творения: «Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы».

Воплощение такого грандиозного замысла требовало и соответствующих художественных средств. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи он называет церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти же самые источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя. Невозможно понять «Мертвые души» без учета фольклорной традиции и в первую очередь пословичной стихии, пронизывающей всю ткань поэмы.

«Чем более я обдумывал мое сочинение, – писал Гоголь в “Авторской исповеди”, – тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатались истинно русские, коренные свойства наши». И поскольку в русских пословицах и поговорках наиболее полно выразились важнейшие особенности национального характера, человеческие качества, одобряемые народом или отвергаемые им, в «Мертвых душах» «пословичный» способ обобщения стал одним из важнейших принципов художественной типизации. Чем более обобщенный вид принимают образные картины и характеристики персонажей, в которых Гоголь выражает сущность того или иного явления, ситуации или человеческого типа, тем более они приближаются к традиционным народно-поэтическим формулам.

Характер Манилова – помещика «без задора», пустопорожного мечтателя – «объясняется» через пословицу: «Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы». Медвежья натура Собакевича, имевшего «крепкий и на диво стаченный образ», в хозяйстве которого все было «упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке», находит свое итоговое определение в пословичной формуле: «Эк наградила-то тебя Бог! Вот уж точно, как говорят, неладно скроен, да крепко шит!...»

Характеры эпизодических персонажей поэмы порою полностью исчерпываются пословицами или пословичными выражениями. «Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет,

¹² Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 484, 492.

то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного». Заседатель Дробяжкин был «блудлив, как кошка...»¹³ Мижув был один из тех людей, которые, кажется, никогда не соглашались «плясать по чужой дудке», а кончится всегда тем, что пойдут «поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку, словом, начнут гладью, а кончат гадью».

Гоголь любил выражать заветные свои мысли в пословицах. Идея «Ревизора» сформулирована им в эпиграфе-пословице: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» важное значение для понимания авторского замысла имеет пословица: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». «Известно, – говорил Гоголь, – что если сумеешь замкнуть речь ловко прибранной пословицей, то сим объяснишь ее вдруг народу, как бы сама по себе ни была она выше его понятия».

Вводя пословицы в художественную ситуацию «Мертвых душ», Гоголь творчески использует заключенный в них смысл. В десятой главе почтмейстер, сделав предположение, что Чичиков есть «не кто другой, как капитан Копейкин», публично сознался, что совершенно справедлива поговорка: «Русский человек задним умом крепок». «Коренной русской добродетелью» – задним, «спохватным»¹⁴, покаянным умом в избытке наделены и другие персонажи поэмы, но прежде всего сам Павел Иванович Чичиков.

К этой поговорке у Гоголя было свое, особое отношение. Обычно она употребляется в значении «спохватился, да поздно» и крепость задним умом расценивается как порок или недостаток. В Толковом словаре Владимира Даля находим: «Русак задом (задним умом) крепок»; «Умен, да задом»; «Задним умом догадлив». В его же «Пословицах Русского народа» читаем: «Всяк умен: кто сперва, кто опосля»; «Задним умом дела не поправишь»; «Кабы мне тот разум наперед, что приходит опосля». Но Гоголю было известно и другое толкование этой поговорки. Так, известный собиратель русского фольклора И. М. Снегирев усматривал в ней выражение свойственного русскому народу склада ума: «Что Русский и после ошибки может спохватиться и образумиться, о том говорит его же пословица: “Русский задним умом крепок”»¹⁵; «Так в собственно Русских пословицах выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения <...> Коренную их основу составляет многовековой, наследственный опыт, этот *задний ум*, которым *крепок Русский*...»¹⁶

Гоголь проявлял постоянный и неизменный интерес к сочинениям Снегирева, которые помогали ему глубже понять сущность народного духа. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии...» – этом своеобразном эстетическом манифесте Гоголя – народность И. А. Крылова объясняется особым национально-самобытным складом ума великого баснописца. В басне, пишет Гоголь, Крылов «умел сделаться народным поэтом. Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум».

Статья о русской поэзии была необходима Гоголю, по его собственному признанию, «в объяснение элементов русского человека» (из письма к П. А. Плетневу от 16 октября (н. ст.) 1846 года из Франкфурта). В размышлениях писателя о судьбах родного народа, его настоящим и историческом будущем «задний ум или ум окончательных выводов, которым преимуще-

¹³ Ср.: «Блудлив, как кошка, а труслив, как заяц» (Собрание 4291 древних Российских пословиц. Печатано при Императорском Московском университете. 1770 г. С. 8).

¹⁴ Ср.: «Русский ум – задний ум. Русский ум – спохватный ум» (*Князев В.* Русь. Сборник избранных пословиц, присловков, поговорок и прибауток. Л., 1924. С. 83).

¹⁵ *Снегирев И.* Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Кн. 2. М., 1832. С. 27.

¹⁶ *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1995 / Репринтное воспроизведение издания 1848 г. С. XV. Заметим, что глубинный смысл этой народной мудрости ощущался не только в эпоху Гоголя. Наш современник писатель Леонид Леонов замечал: «Нет, не о тугодумии говорится в пословице насчет крепости нашей задним умом, – лишний раз она указывает, сколь трудно учесть целиком все противоречия и коварные обстоятельства, возникающие на просторе неохватных глазом территорий» (*Леонов Л.М.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М., 1984. С. 544–545).

ственно наделен перед другими русский человек», является тем коренным «свойством русской природы», которое и отличает русских от других народов. С этим свойством национального ума, который сродни уму народных пословиц, «умевших сделать такие великие выводы из бедного, ничтожного своего времени <...> и которые говорят только о том, какие огромные выводы может сделать нынешний русский человек из нынешнего широкого времени, в которое нанесены итоги всех веков...», Гоголь связывает высокое предназначение России.

Когда остроумные догадки и сметливые предположения чиновников о том, кто такой Чичиков (тут и «миллионщик», и «делатель фальшивых ассигнаций», и капитан Копейкин), доходят до верха смешного – Чичиков объявляется переодетым Наполеоном, – автор как бы берет под защиту своих героев. «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок». Принцип противопоставления «своего» и «чужого», отчетливо ощутимый с первой и до последней страницы «Мертвых душ», выдержан автором и в противопоставлении русского заднего ума ошибкам и заблуждениям всего человечества. Возможности, заложенные в этом «пословичном» свойстве русского ума, должны были раскрыться, по мысли Гоголя, в последующих томах поэмы.

Идейно-композиционная роль данной поговорки в гоголевском замысле помогает понять и смысл «Повести о капитане Копейкине», без которой автор не мыслил себе поэмы.

Повесть о капитане Копейкине

«Повесть...» существует в трех основных редакциях. Канонической считается вторая, не пропущенная цензурой, которая и печатается в составе «Мертвых душ» во всех современных изданиях. Первоначальная редакция отличается от последующих прежде всего своим финалом, где рассказывается о разбойничьих похождениях Копейкина, его бегстве за границу и письме оттуда Государю с объяснением мотивов своих поступков. В двух других вариантах «Повести...» Гоголь ограничивается лишь намеком, что капитан Копейкин стал атаманом шайки разбойников. Возможно, писатель предчувствовал цензурные затруднения. Впрочем, П. В. Анненков, переписывавший летом 1841 года первоначальную редакцию под диктовку автора, свидетельствует об обратном. «Когда, по окончании повести, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: “Какова повесть о капитане Копейкине?” – “Но увидит ли она печать когда-нибудь?” – заметил я. “Печать – пустяки, – отвечал Гоголь с самоуверенностью. – Все будет в печати”».

Но не цензура, думается, была главной причиной отказа от первой редакции. В своем первоначальном виде «Повесть...» хотя и проясняла главную мысль автора, тем не менее не вполне отвечала идейно-художественному замыслу поэмы.

Как уже не раз отмечалось исследователями, гоголевский образ капитана Копейкина восходит к фольклорному источнику – народным разбойничьим песням о воре Копейкине. Интерес и любовь Гоголя к народному песнетворчеству общеизвестны. В «Петербургских записках 1836 года», призывая к созданию русского национального театра, изображению характеров в их «национально вылившейся форме», Гоголь высказал суждение о творческом использовании народных традиций в опере и балете: «Руководствуясь тонкою разборчивостью, творец балета может брать из них (народных, национальных танцев. – В. В.) сколько хочет для определения характеров пляшущих своих героев. Само собою разумеется, что схвативши в них первую стихию, он может развить ее и улететь несравненно выше своего оригинала, как музыкальный гений из простой, услышанной на улице песни создает целую поэму».

«Повесть о капитане Копейкине», в буквальном смысле слова вырастающая из песни, и явилась воплощением этой гоголевской мысли. Угадав в песне «стихию характера», писатель, говоря его же словами, «развивает ее и улетаёт несравненно выше своего оригинала». Приведем одну из песен о разбойнике Копейкине:

Собирается вор Копейкин
На славном на устье Карастане.
Он со вечера, вор Копейкин, спать ложился,
Ко полуночи вор Копейкин подымался,
Он утренней росой умывался,
Тафтяным платком утирался,
На восточну сторонушку Богу молился.
«Вставайте, братцы полюбовны!
Нехорош – то мне, братцы, сон приснился;
Будто я, добрый молодец, хожу по край морю,
Я правую ногою оступился,
За кропкое¹⁷ деревце ухватился,
За кропкое дерево, за крушину.
Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила:

¹⁷ Кропкий – ломкий, хрупкий.

Сушит да крушит добра молодца печаль-горе!
Вы кидайтесь-бросайтесь, братцы, в легки лодки,
Гребите, ребяташки, не робейте,
Под те ли же под горы, под Змеины!»
Не лютая тут змеюшка прошипела,
Свинцовая тут пулюшка пролетела¹⁸.

Сюжет разбойничьей песни о Копейкине записан в нескольких вариантах. Как это обычно и бывает в народном творчестве, все известные образцы помогают уяснить общий характер произведения. Центральный мотив этого песенного цикла – вещий сон атамана Копейкина. Вот еще один из вариантов этого сна, предвещающего гибель герою.

...Будто я ходил по конец синего моря;
Как синё море все всколыхалось;
Со желтым песком все сомешалось;
Я левой ноженькой оступился,
За кропкое деревце рукой ухватился,
За кропкое деревце, за крушину,
За самую за вершину:
У крушинушки вершинушка отломилась,
Будто буйная моя головушка в море свалилась¹⁹.

Атаман разбойников Копейкин, каким он изображен в народной песенной традиции, *ногою оступился, рукою за кропкое деревце ухватился*. Эта окрашенная в трагические тона символическая подробность и является главной отличительной чертой данного фольклорного образа.

Поэтическую символику песни Гоголь использует в описании внешнего облика своего героя: «ему оторвало руку и ногу». Создавая портрет капитана Копейкина, писатель приводит только эту подробность, связывающую персонажа поэмы с его фольклорным прототипом. Следует также подчеркнуть, что в народном творчестве оторвать кому-нибудь руку и ногу считается за «шутку» или «баловство».

Гоголевский Копейкин вовсе не вызывает к себе жалостливого отношения. Это лицо отнюдь не страдательное, не пассивное. Капитан Копейкин – прежде всего удалой разбойник. В 1834 году в статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь писал об отчаянных запорожских казаках, «которым нечего было терять, которым жизнь – копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти <...> Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников...».

Стараясь выявить социально-политическое содержание «Повести...», исследователи усматривали в ней обличение всей государственной машины России вплоть до высших правительственных сфер и самого Царя. Не говоря уже о том, что такая идеологическая позиция была просто немыслима для Гоголя, «Повесть...» упорно «сопротивляется» подобному истолкованию.

Принято считать, что под давлением цензуры Гоголь вынужден был приглушить сатирические акценты «Повести...», ослабить ее политическую тенденцию и остроту – «выбросить весь генералитет», сделать менее привлекательным образ Копейкина и так далее. Из писем

¹⁸ Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Памятники русского фольклора. Л., 1977. Т. 1. С. 226; Песни, собранные П.В. Киреевским / Изданы Обществом любителей Российской словесности под редакцией и с дополнениями П. Бессонова. Наш век в русских исторических песнях. М., 1874. Вып. 10. С. 108.

¹⁹ Собрание народных песен П.В. Киреевского. С. 227; Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 10. С. 107.

Гоголя явствует, однако, что эпизод с Копейкиным был важен ему вовсе не тем, чему придавали значение петербургские цензоры. Писатель без колебаний идет на переделку всех предполагаемых «предосудительных» мест, могущих вызвать неудовольствие цензуры.

Созданная по законам сказовой поэтики (ориентация на живой разговорный язык, прямое обращение к слушателям, использование простонародных выражений и повествовательных приемов), гоголевская «Повесть...» требует и соответствующего прочтения. Ее сказовая форма отчетливо проявляется и в слиянии народно-поэтического, фольклорного начала с реально-событийным, конкретно-историческим. Народная молва о разбойнике Копейкине²⁰, уходящая в глубь народной поэзии, не менее важна для понимания эстетической природы «Повести...», чем хронологическая закреплённость образа за определенной эпохой – кампанией 1812 года.

В изложении почтмейстера история капитана Копейкина менее всего есть пересказ реального происшествия. Действительность здесь преломлена через сознание героя-рассказчика, воплощающего, по Гоголю, особенности народного, национального мышления. Исторические события, имеющие государственное, общенациональное значение, всегда порождали в народе всевозможные устные рассказы и предания. При этом особенно активно творчески переосмыслились и приспособлялись к новым историческим условиям традиционные эпические образы.

Во всех трех известных редакциях «Повести...» сразу же после пояснения, кто такой капитан Копейкин, следует указание на главное обстоятельство, вынудившее Копейкина самому добывать себе средства: «Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после». Таким образом, инвалидный капитал, обеспечивавший раненых, был учрежден, да только уже после того, как капитан Копейкин сам нашел себе средства. Причем, как это следует из первоначальной редакции, средства эти он берет из «казенного кармана». Шайка разбойников, которой предводительствует Копейкин, воюет исключительно с казной. «По дорогам никакого проезда нет, и все это собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное. Если проезжающий по какой-нибудь своей надобности – ну, спросят только: “зачем?” – да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиант или деньги – словом, все что носит, так сказать, имя казны – спуска никакого».

Видя «упущение» с Копейкиным, Государь «издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть раненых...». Высшие государственные власти в России, и в первую очередь сам Государь, способны, по Гоголю, сделать правильные выводы, принять мудрое, справедливое решение, да вот только не сразу, а «опосля». Раненых обеспечили так, как ни в каких «других просвещенных государствах», но только тогда, когда гром уже грянул... Капитан Копейкин подался в разбойники не из-за черствости высоких государственных чинов, а из-за того, что так уже на Руси все устроено, задним умом крепки все, начиная с почтмейстера и Чичикова и кончая Государем.

Готовя рукопись к печати, Гоголь сосредоточивает внимание прежде всего на самой «ошибке», а не на ее «исправлении». Отказавшись от финала первоначальной редакции, он сохранил нужный ему смысл «Повести...», но изменил в ней акценты. В окончательном варианте крепость задним умом в соответствии с художественной концепцией первого тома представлена в своем негативном, иронически сниженном виде. Способность русского человека и после ошибки сделать необходимые выводы и исправиться должна была, по мысли Гоголя, в полной мере реализоваться в последующих томах.

²⁰ «Многоречивая молва / Об них далеко говорила...» – писал о героях разбойничьих песен поэт Николай Языков в отрывке «Разбойники» (Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982. С. 59).

В общем замысле поэмы сказалась причастность Гоголя к народной философии. Народная мудрость неоднозначна. Своей настоящей, подлинной жизнью пословица живет не в сборниках, а в живой народной речи. Смысл ее может меняться в зависимости от ситуации, в которой она употребляется. Подлинно народный характер гоголевской поэмы заключается не в том, что в ней обилие пословиц, а в том, что автор пользуется ими в соответствии с их бытованием в народе. Оценка писателем того или иного «свойства русской природы» всецело зависит от конкретной ситуации, в которой это «свойство» проявляется. Авторская ирония направлена не на само свойство, а на его реальное бытие.

Таким образом, нет оснований полагать, что, переделав «Повесть...», Гоголь пошел на какие-то существенные для себя уступки цензуре. Несомненно, что он и не стремился представить своего героя только как жертву несправедливости. Если «значительное лицо» (министр, генерал, начальник) в чем-либо и виновато перед капитаном Копейкиным, то лишь в том, как говорил Гоголь по другому поводу, что не сумело «вникнуть хорошенько в его природу и его обстоятельства». Одной из отличительных особенностей поэтики писателя является резкая определенность характеров. Поступки и внешние действия гоголевских героев, обстоятельства, в которые они попадают, – есть лишь внешнее выражение их внутренней сущности, свойства натуры, склада характера.

Образ капитана Копейкина, ставший, подобно другим гоголевским образам, нарицательным, прочно вошел в русскую литературу и публицистику. В характере его осмысления сложились две традиции: одна в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского, другая – в либеральной печати. В щедринском цикле «Культурные люди» (1876) Копейкин предстает ограниченным помещиком из Залупска: «Недаром мой друг, капитан Копейкин, пишет: “Не ездите в Залупск! у нас, брат, столько теперь поджарых да прожженных развелось – весь наш культурный клуб испакостили!”»²¹. В резко отрицательном духе интерпретирует гоголевский образ и Достоевский. В «Дневнике писателя» за 1881 год Копейкин предстает как прообраз современных «карманных промышленников». «...Страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видоизменениях.<...> И все-то на казну и на общественное достояние зубы точат»²².

С другой стороны, в либеральной печати существовала иная традиция – «сочувственного отношения к гоголевскому герою как к человеку, борющемуся за свое благополучие с равнодушной к его нуждам косной бюрократией»²³. Примечательно, что столь непохожие по своей идеологической ориентации писатели, как Салтыков-Щедрин и Достоевский, придерживавшиеся к тому же различной художественной манеры, в одном и том же негативном ключе интерпретируют образ гоголевского капитана Копейкина. Было бы неверным объяснять позицию писателей тем, что их художественное истолкование основывалось на смягченном по цензурным условиям варианте «Повести...»²⁴, что Щедрина и Достоевскому была неизвестна ее первоначальная редакция, отличающаяся, по общему мнению исследователей, наибольшей социальной остротой. Еще в 1857 году Н. Г. Чернышевский в рецензии на посмертное Собрание сочинений и писем Гоголя, изданное П. А. Кулишом, полностью перепечатал впервые опубликованное тогда окончание «Повести...», заключив его следующими словами: «Да, как бы то ни было, а великого ума и высокой натуры был тот, кто первый представил нас нам в настоящем нашем виде...»²⁵

²¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 12. М., 1971. С. 297.

²² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 12.

²³ Там же. С. 308.

²⁴ Такова точка зрения комментаторов собрания сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина, она поддержана и комментаторами академического издания сочинений Ф.М. Достоевского.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 4. М., 1948. С. 665.

Дело, по всей видимости, в другом. Щедрин и Достоевский почувствовали в гоголевском Копейкине те нюансы и особенности его характера, которые ускользали от других, и, как это не раз бывало в их творчестве, «выпрямили» образ, заострили его черты. Возможность подобной интерпретации образа капитана Копейкина заключается, несомненно, в нем самом.

Итак, рассказанная почтмейстером «Повесть о капитане Копейкине», наглядно демонстрирующая пословицу «Русский человек задним умом крепок», естественно и органично вводила ее в повествование. Неожиданной сменой повествовательной манеры Гоголь заставляет читателя как бы споткнуться на этом эпизоде, задержать на нем внимание, тем самым давая понять, что именно здесь – ключ к пониманию поэмы.

Гоголевский способ создания характеров и картин в данном случае перекликается со словами Л. Н. Толстого, также высоко ценившего русские пословицы, и, в частности, сборники И. М. Снегирева. Толстой намеревался написать повесть, используя пословицу как ее зерно. Об этом он рассказывает, например, в очерке «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»: «Давно уже чтение сборника пословиц Снегирева составляет для меня одно из любимых – не занятий, но наслаждений. На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществимых мечтаний мне всегда представлялся ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы»²⁶.

Художественное своеобразие «Повести о капитане Копейкине», этой, по словам почтмейстера, «в некотором роде целой поэмы», помогает уяснить и эстетическую природу «Мертвых душ». Создавая свое произведение – поэму подлинно народную и глубоко национальную, – Гоголь опирался на традиции народно-поэтической культуры.

²⁶ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 15. М., 1983. С. 11.

Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче

В анекдотических ситуациях, «вставных» эпизодах, поговорах Гоголь рассыпает «подсказки» читателю. Но всего этого ему как будто кажется недостаточным. Наконец, содержание первого тома он обобщает в маленькой лаконичной притче, сводя все многообразие героев поэмы к двум персонажам.

«...Жили в одном отдаленном уголке России два обитателя. Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом. Семейством своим он не занимался; существование его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом: “Вот, например, зверь, – говорил он, ходя по комнате, – зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!” Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич».

Для поэтики «Мертвых душ» чрезвычайно характерен язык художественных ассоциаций, скрытых аналогий и уподоблений, к которому постоянно прибегает автор. Не случайно Кифа Мокиевич занят философическим вопросом о рождении зверя из яйца. Этот гоголевский образ очень хорошо «укладывается» в известное поговорочное выражение о «выеденном яйце» и создан, в сущности, как развертывание этого выражения, как реализация заключенной в нем метафоры. В то время как «теоретический философ» Кифа Мокиевич занимается разрешением вопроса, не стоящего и выеденного яйца, его сын, богатырь Мокий Кифович, проявляет себя соответствующим образом на поприще практической деятельности.

«Был он то, что называют на Руси богатырь, – говорится в притче о Мокии Кифовиче, – и в то время, когда отец занимался рождением зверя, двадцатилетняя плечистая натура его так и порывалась развернуться. Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу. В доме и в соседстве все, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя; даже собственную кровать в спальне изломал он в куски. Таков был Мокий Кифович...»

Образ Мокия Кифовича также восходит к фольклорной традиции. В одном из черновых вариантов притчи, где этот персонаж назван еще Иваном Мокиевичем, Гоголь прямо указывает на народно-поэтический первоисточник образа: «обращик Мокиев<ича> – Лазаревич...» (имеется в виду «Повесть о Еруслане Лазаревиче»). В основу образа Мокия Кифовича положены черты этого сказочного героя, ставшего символом русского национального богатыря. «И как будет Уруслан десяти лет, выдет на улицу: и ково возмет за руку, из того руку вырвет, а ково возмет за ногу, тому ногу выломат»²⁷.

Традиционный эпический образ, широко известный по народным источникам, Гоголь наполняет нужным ему «современным» смыслом. Наделенный необыкновенным даром – невиданной физической силой – Мокий Кифович растрачивает его попусту, причиняя одно беспокойство и окружающим, и самому себе. Понятно, что речь в притче идет не об отрицании свойств и особенностей ее персонажей, а, скорее, об их недолжном проявлении. Плохо не то, что Кифа Мокиевич мыслитель, а Мокий Кифович – богатырь, а то, как именно они используют данные им от природы свойства и качества своей натуры. «Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? – восклицает автор в патетическом размышлении о Руси. – Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?»

Завершая первый том поэмы, Гоголь недаром обращается к иносказательной форме притчи. «Красна речь с притчею», – гласит русская поговорка. В контексте всего первого тома гоголевская притча приобретает особое, ключевое значение для восприятия поэмы. Вырастая

²⁷ Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. Н.К. Гудзий. Изд. 8-е. М., 1973. С. 371.

в символ обобщающего значения, ее персонажи концентрируют в себе важнейшие, родовые черты и свойства других героев «Мертвых душ».

Философски-умозрительно – в духе Кифы Мокиевича – существование Манилова: «Дома он говорил очень мало и большею частью размышлял и думал <...> Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою». О чем размышляет Манилов, в бесплодных мечтаниях издерживающий жизнь свою? О подземном ходе, мосте через пруд с лавками для крестьян, о том, как было бы хорошо «под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..»

Неуклюжий Собакевич, подобно Мокию Кифовичу, не умеющему ни за что взяться слегка, уже «с первого раза» наступил Чичикову на ногу, сказавши: «Прошу прощения». О сапоге этого «на диво сформированного помещика» сказано, что он был «такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри».

Собакевич. Иллюстрация к поэме «Мертвые души» Художник А.А. Агин, гравюра Е.Е. Бернардовского

Образ Собакевича, унаследовавшего от своих древних предков недюжинную физическую силу и поистине богатырское здоровье («пятый десяток живу, ни разу не был болен»), создан с пародийным использованием традиционных элементов сказочной поэтики. Этот современный российский богатырь, совершающий свои подвиги за обеденным столом, съедает сразу целую «половину бараньего бока», ватрушки у него «каждая была гораздо больше тарелки», «индюк ростом в теленка». «У меня когда свинина – всю свинью давай на стол, баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся!»

Сам человек здоровый и крепкий, практичный помещик, Собакевич, «казалось, хлопотал много о прочности». Но практичность этого рачительного хозяина оборачивается самым настоящим расточительством. «На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние. <...> Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли».

Гротескно-выразительные образы Кифы Мокиевича и Мокия Кифовича помогают оглядеть героев поэмы со всех сторон, а не с одной только стороны, где они мелочны и ничтожны. «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен, – писал Гоголь в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» (1845). – Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую из нее сделали. <...> Много есть таких предметов, которые страждут из-за того, что извратили смысл их; а так как вообще на свете есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: “Рассердясь на вши, да шубу в печь”, то через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу».

Герои Гоголя вовсе не обладают заведомо отвратительными, уродливыми качествами, которые необходимо полностью искоренить для того, чтобы исправить человека. Богатырские свойства и практичность Собакевича, хозяйственная бережливость Плюшкина, созерцательность и радушие Манилова, молодецкая удаль и энергия Ноздрева – качества сами по себе вовсе не плохие и отнюдь не заслуживают осуждения. Но все это, как любил выражаться Гоголь, льется через край, доведено до излишества, проявляется в извращенной, гипертрофированной форме.

Обратимся теперь к Чичикову. В нем соединение всех «задоров» гоголевских героев. Ему автор заглядывает глубоко в душу, подчас передоверяет свои задушевные мысли. Еще в детстве Павлуша обнаружил «большой ум со стороны практической». Выказывая «прямо русскую изобретательность» и удивительную «бойкость в деловых делах», Павел Иванович всю жизнь занимался делом. В наиболее концентрированной, афористической форме эта черта главного героя поэмы выражена в его «пословичном» монологе: «...зацепил – поволок, сорвалось – не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать». «Делом» именуется в поэме и афера Чичикова с мертвыми душами. Весь свой незаурядный практический ум, волю в преодолении препятствий, знание людей, упорство в достижении цели этот неутомимый и хитроумный русский Одиссей растрчивает в деле... не стоящем выеденного яйца. Именно так говорит о своем «деле» Чичиков, выведенный из себя непонятливостью Коробочки: «Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!»

Как видим, автор заставляет своих героев «проговариваться» о себе в пословицах. Пословицы же в «Мертвых душах» функционально значимы, несут в себе гораздо больший смысл, чем это может показаться на первый взгляд.

Приобретение «херсонского помещика» расценивается чиновниками как «благое дело». По словам самого Чичикова, он «стал наконец твердой стопою на прочное основание» и «более благого дела не мог бы предпринять». На чем же пытается основать свое благополучие Павел

Иванович? На мертвых душах! На том, чего нет, что ничего не стоит, чего быть не может! На пустоте. Тщета предприятий и замыслов Чичикова в том, что все они лишены духовного основания. Путь Чичикова бесплоден. Бесплодность эта и выражается через мудрость народного речения о деле, не стоящем выеденного яйца. Эта поговорка впервые появляется задолго до финала первого тома, и ею же Гоголь подводит итог делу Чичикова. И этот традиционный народный вывод, венчающий похождения героя, содержит в себе и приговор ему, и возможность, по мысли автора, его грядущего возрождения. Недаром во втором томе Муразов повторяет про себя: «Презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков! Ведь если бы с этойкой волей и настойчивостью, да на доброе дело!»

Художественному мышлению Гоголя свойственны архитектурные ассоциации²⁸. Хорошо известно его сравнение «Мертвых душ» с «дворцом, который задуман строиться в колоссальных размерах» (из письма к В. А. Жуковскому от 26 июня (н. ст.) 1842 года). Тогда понятным становится и упоминание о двух обитателях отдаленного уголка России, которые «нежданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы». Продолжая метафору писателя, можно сказать, что притча – это окошко, позволяющее заглянуть в глубину художественного мира его книги.

Сходный образ встречается в статье Гоголя «Шлецер, Миллер и Гердер» (1834): «Может быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлещере как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, – но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе, можно увидеть весь мир. Он вдруг осеняет светом и показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь все».

²⁸ Подобные ассоциации восходят к Евангелию, точнее, к притчам Христа, и были широко распространены в литературе и искусстве христианского мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.